

ШАНС

Мама и отец, 1930-е годы, Варшава до войны

Ури Шулевиц

ШАНС

Бегство от холокоста

Карьера Пресс

Москва

СОДЕРЖАНИЕ

Часть первая. Варшава	1
Часть вторая. Белосток	37
Часть третья. Поселение Юра	65
Часть четвертая. Туркестан I	117
Часть пятая. Туркестан II	153
Часть шестая. Путь домой	231
Часть седьмая. Польша и Германия	251
Часть восьмая. Париж	281
Послесловие	328

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
ВАРШАВА

1

1 сентября 1939 года нацистские самолеты про-
резали небо Варшавы. Они скидывали зажигательные
бомбы, и огонь слизывал город языками пламени, они
сбрасывали фугасные бомбы, обращая здания в пыль.

Природа откликнулась проливным дождем, гневно обрушившимся на землю.

Перепуганные люди бежали во все стороны.

Глубокие рытвины искорежили улицы.

Дома остались без воды. В перерывах между бомбежками люди носили носили её из Вислы тяжелыми ведрами, чтобы готовить пищу и пить.

От дыма пожарищ все стало сизым. Неподалеку от нашего дома сквозь эту серую мглу проступали горы сверкающей краски — красной, желтой, синей — во дворе разрушенной фабрики красок.

Я изумленно смотрел на все это из нашего окна. Я не мог взять в толк, что происходит, хотя все случилось прямо у меня на глазах. Все казалось нереальным и далеким.

Позже в тот же день — я сижу на столе, и мама, натягивая мне на ноги пару новых сапожек, говорит: «Нам придется очень много гулять».

Мне было четыре.

2

Несколько дней подряд падали бомбы, и мы с мамой не выходили из дома. Хотя окна и двери были крепко заперты, адский шум пробирался в каждый уголок нашего маленького жилища. Ужасающий свист оружейного огня и взрывы бомб были нестерпимы.

Единственное, что меня спасало, — рисование. Я рисовал, рисовал, рисовал. Я рисовал человечков: ручки — палочки, ножки — палочки. Человечки маршировали взад-вперед по обрывкам старых отцовских газет, заполняя на страницах все пустое пространство, которое мне удавалось отыскать.

Каждый раз, слыша взрыв, я закрывал глаза и подкидывал газету в воздух. Мой карандаш превращался в самолет, летящий на предельной скорости, пробивая в бумаге острием грифеля дыру.

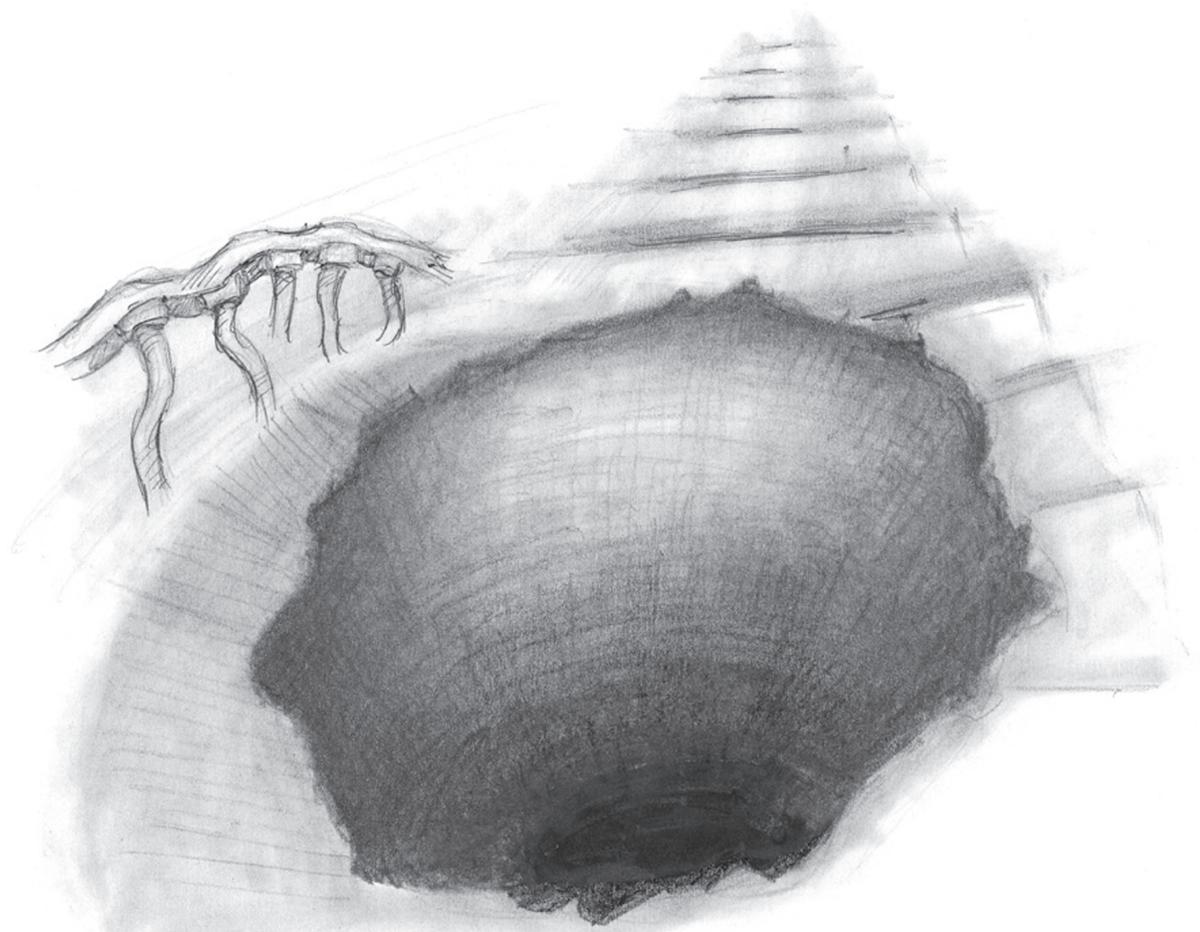
Это была такая игра: «повезет — не повезет». Есть ли у человечков шанс? Смогут ли они увернуться от ужасного карандаша-самолета? Или он проткнет их? А что

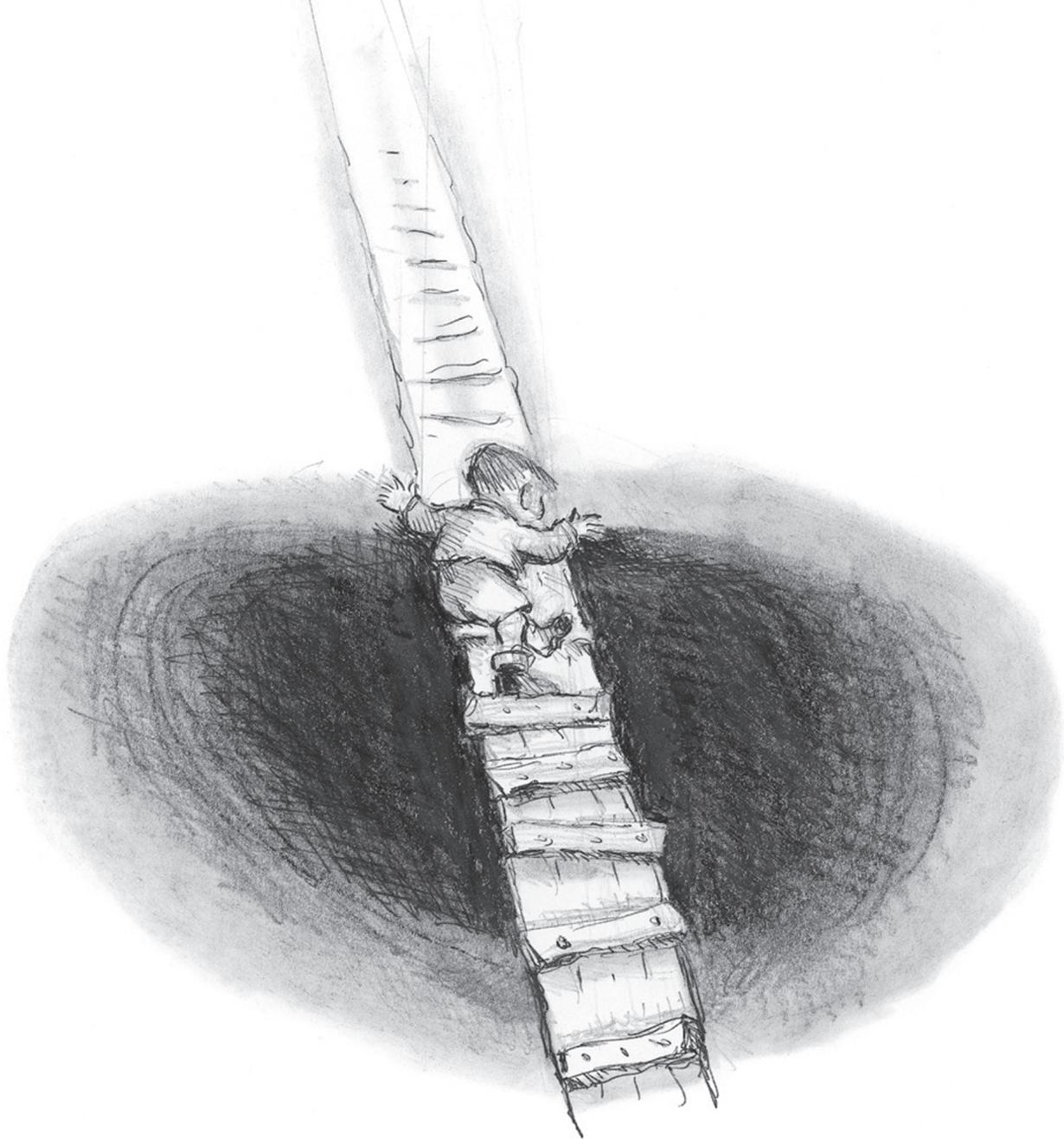
будет с нами? Нас тоже взорвут? Мы умрем? А вдруг мы умрем с голоду?

Еда у нас почти закончилась. Мама решила спуститься за хлебом. В эти смутные, тревожные дни она не хотела оставлять меня в квартире одного. И я пошел с ней.

Когда мы вышли в темный коридор и направились к лестнице, у меня перехватило дыхание от того, что я увидел.

Лестница была пробита насквозь: до самой земли зияла огромная дыра.

На каждом лестничном пролете через дыру была перекинута доска, которая как мостик вела на следующий этаж. Доска была достаточно широкая, чтобы спуститься

по ней или подняться, но слишком узкая, чтобы закрыть дыру.

Я сказал: «Мне страшно. Я не пойду».

Мама ответила: «Надо. Без еды у нас не будет сил. А мы должны быть сильными и храбрыми. Одного я тебя не оставлю!»

Выбора не было. Не спорить же с мамой.

Я всегда с радостью скакал по ступенькам, сейчас все обернулось кошмаром. Дрожа от ужаса, я осторожно двинулся за мамой по шатким доскам. Не смотреть в глубь воронки было невозможно.

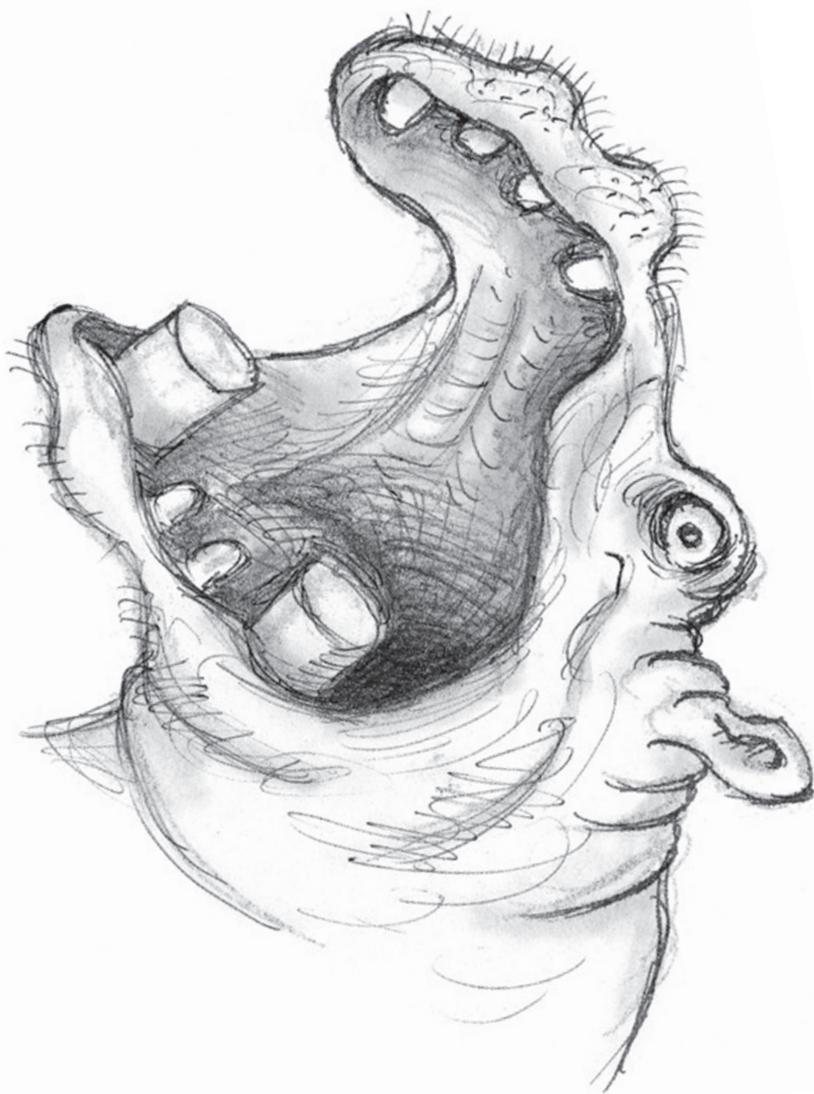
У меня кружилась голова.

Приходилось то и дело останавливаться.

Как-то перед войной отец сводил меня в Варшавский зоопарк. Я никогда не забуду бегемота, открывшего пасть, чтобы зевнуть. То, что я увидел, показалось мне глубокой пещерой с двумя зубами, огромными, как колоды мясника для разделки туши.

Природа одарила меня живым воображением, хотя, может, это было и моим проклятием.

И вот теперь, спускаясь по доскам, я не сомневался,

что дыра меня проглотит, — дыра, что напоминала мне разинутую пасть бегемота. Я знал, что, если это случится, огромные колоды-зубища перемелют меня — и я умру ужасной смертью.

Но я спустился.